

Сегодня день, когда в руды восторгов восторг и брызжет песня, когда по улицам гудит жизнь величайей и чудесней...

Отдыхают машины здоровые

Пески работы торжественно слышатся, Могно дышать с трибуны слова, Красным морем знамена колышутся. Очарованной синт синева, Вековые гитаны молчуге, Покрытые будто стог. Океаны замолки заблужно Сын волные птиц на парит. Отдыхают машины здоровые. Не бурлят по гитам плуги. Солнце ниже как будто спускулось. Улыбаются прямо с дуги. Все облето величьем праздника. Приумолкло заводов гудит. Только сладко песни прозвучали. Сольвья вободно гулки.

М. Жуков.

Передают пусть радио-волны

Сегодня когда мы радостью поны Праздник первое мая. Передают пусть радио-волны Привет нам рабочим Китай. В праздник великий, когда мы свободны. Знания несем коммунизма, Мы не забудем о тех кто томится, Кто гибнет в гонимых фашизма.

Нина З.

День красного цветка

Помощь беспорядочному — дело каждого

Сегодня в Томске будет произведен сбор на усиление местного фонда по борьбе с беспорядочностью. Порожденная империалистической войной, безработицей, голодом и страданиями голода беспорядочность до сих пор является еще большим могом нашей советской общности. Предоставленные самим себе малыши беспорядочны еще еще продают свой труд за ничтожные деньги. Ввиду этого необходимо усилить работу по борьбе с беспорядочностью. На борьбу с беспорядочностью уже в малом средстве. Не одна тысяча беспорядочных получила уже возможность учиться в созданных для них трудовых колониях — коммунах. На бывших беспорядочных созданы сотни трудовых детских коллективов, получивших как трудовую, так и общеобразовательную подготовку. Ввиду этого необходимо усилить работу по борьбе с беспорядочностью. На борьбу с беспорядочностью уже в малом средстве. Не одна тысяча беспорядочных получила уже возможность учиться в созданных для них трудовых колониях — коммунах. На бывших беспорядочных созданы сотни трудовых детских коллективов, получивших как трудовую, так и общеобразовательную подготовку.

А. Лукулин

ОШИБКА

Сэр Артур Пежкет взглянул на солнце, затем перевел глаза на барометр и на календарь. Солнце светило и жарко. Барометр показывал норменно. Календарь показывал первое мая. И покажут это было самое неприятное. Кроме того, именно сегодня сэр Артур собирался в Париж. — Сударь — сказал сэр Артур портье отеля «Империяль» — сударь в вагоне первого класса нет ни одного свободного места. — Жаль, — ответил сэр Артур жет, — тем не менее я еду именно сегодня и именно в экспрессе Прага — Париж. — Вот места во втором классе. Два купе по два спальных места в каждом. На эти места претендуют еще два пассажира. Кто вам угодно иметь своих спутников. Один пассажир из Москвы. Вылет в семь часов. — Сударь, — ответил портье, — портье сэр Артур Пежкет. Нет слова о свободном месте в первом или втором классе. Имя сего сэр Артур Пежкет не останется ни минуты в обществе болельщиков. — Хорошо, — сказал сэр Артур и взглянул с улыбкой на спутника. Экспресс уходил в девять тридцать. Сэр Артур пришел на вокзал за пять минут до отхода экспресса. Пассажир Пежкет встретил его на перроне, вручил ему билеты и указал вагон. Затем человек ушел в свой вагон в самом конце поезда. Сэр Артур проследовал в вагон — ресторан. В девять тридцать экспресс Прага — Париж отомшел от станции. Сэр Артур сидел в вагоне — ресторане. В вагоне сидели еще два пассажира. Один из них был француз. Он говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом.

РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК

Солнце, солнце! Раскрой мне объять В этот день золотодной весны, Ведь сегодня рабочий праздник Души рабочих — как птиц вольных. Отныне смеются знамена Над топой, на рабочих домах, Буен гимн наш размашисто авноном. Этой песни веселой размах. Только прежде ее вихоромку Распевала царя Сибирь. А теперь вот в ритму с комсомолой И стране свивает весною ширь. Юность ринет вперед без опаски Выше флажком отеческий флаг Мы сороем с плащей полных масел И расцветим пружина мгла. В этот день, день пурпурного мая Мы на грани великих боев, Близко, близко грома мировая, Близко новый семидесятый год! Солнце, солнце раскрой мне объять В этот день золотодной весны, Ведь сегодня рабочий праздник, Души рабочих как птиц вольных!

Мих. Колобова. Томск, ученики 3-й Сов. школы.

Любовь комсомолки

Завелось шени ярче вином, Завеснялось вгляди ярче звезд Оттого что на площадке вышло Тот, кто много радости принес. На местах футбольная команда А глоток строн и высок — Пончик сегодня мне не надо, Но зачем же кровь стучит в висок? Мая облет стремительным ударом, Вновь летит и снова дан отпор, Но зачем пьлает сердце жаром За мной слонит так жадно взор! Может быть сегодня он заметит Красную комсомолку мое ветвей, Ведь сегодня солнце ярче светит День людей, лужок зелени!

Н. Шимарева. (Томск, Пенгалетовщина).

Усилим социалистическое накопление, усилим строительство новых фабрик и заводов. Каждая новая фабрика в СССР есть крепость социализма

Мисси мотел, бегут Как слух золотой, В лувещеи поют Про пролетарскую И в гайе облаков Я смотрю в сонна. Там радуга ветров Как раздуе молодца. Дитя гра гоа кругом, Вергт свергамыши Я с вотоми, с ружьем

В ТАЙГ!

Мисси мотел, бегут Как слух золотой, В лувещеи поют Про пролетарскую И в гайе облаков Я смотрю в сонна. Там радуга ветров Как раздуе молодца. Дитя гра гоа кругом, Вергт свергамыши Я с вотоми, с ружьем

Гиря до дора не доведет

«Да... вот, к примеру, пойти ба зары стаи, торговля велкая ошла, а в торговля, говорит, ярмарки уже есть. Купишь вон какой товар. У нас вот на седе две дачи открылись. Отлично кооперативная. Вроде все чин по чину. А в 18-м году что только бы дошло и не дошло бы. В те поры у меня три лошади были, морова и овны. Одним словом, хозяйство как быть и ладно шло. А к этому такая слуха шла и не то...

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Гиря до дора не доведет

«Да... вот, к примеру, пойти ба зары стаи, торговля велкая ошла, а в торговля, говорит, ярмарки уже есть. Купишь вон какой товар. У нас вот на седе две дачи открылись. Отлично кооперативная. Вроде все чин по чину. А в 18-м году что только бы дошло и не дошло бы. В те поры у меня три лошади были, морова и овны. Одним словом, хозяйство как быть и ладно шло. А к этому такая слуха шла и не то...

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Май о себе

Хоть, признается, это странно Но вот вас не узнаю — Не отзвонит ли случайно С первым мая интересом. — Чем порадуешь артистка? — Чем нам будешь шитье мил? — Выслушаму вышка Ребят его спросил. Май подумал, доб шилуя И взрек воздучу слега: — Нужно помнить что дитует Власть советская, ЦК. И я, братишка, не о ВЦИКе, Не о нем, ведь, разговор!

Коммунизм — наша цель.

Ленин — наше знамя. Сплоченность железных батальонов пролетариата — залог нашего успеха.

М. Жуков

Октябренок за работой

Все учился — б я мамаша, Не хожу отдыхать. В это время все шибалет — Кто в картинки, кто гулять. Кто в дождю иду тытья, Нам ведь тытка делегат. Мама! Ваши делегаты Ничего будут засады. И Гитана из забавля. Тоже что — то заводная. Мама, знаешь диди Фокс Зависелю подал. В комбинате коммунизма Диди Фокс хочет быть! Мама, прайда что-то это Будет о тытько ходить. Эх, вот я ка-бы партиный! Хорошо бы мамаша. Чт? На утуту торгаш вот жирный Только лаетса, за что? Твой отец-де вот партица, Я в краешки воробей, Весь в него выйдешь, шаршавец — От рыва роетер роней. Мама, прайда, что зычны Диди Фокс поимаша? Будто чуты по повашейя Бархатинской отдал. Мама, прайда что-то это Или не правда, может быть, Будто гуде влать советов Там паря не хочут жить? — Перестань же, ты кто? На минутку хоть бы смолел, Вот придет и спроит тыти: Ну-ка, как-де твой урок. — Ладно, мамаша, перестану, Не сорьши, учу, учу. — Слава красному титану, Память, слава Ильичу.

Антоний Храповицкий. Дебютный доклад.

«Сэр Артур Пежкет взглянул на солнце, затем перевел глаза на барометр и на календарь. Солнце светило и жарко. Барометр показывал норменно. Календарь показывал первое мая. И покажут это было самое неприятное. Кроме того, именно сегодня сэр Артур собирался в Париж. — Сударь — сказал сэр Артур портье отеля «Империяль» — сударь в вагоне первого класса нет ни одного свободного места. — Жаль, — ответил сэр Артур жет, — тем не менее я еду именно сегодня и именно в экспрессе Прага — Париж. — Вот места во втором классе. Два купе по два спальных места в каждом. На эти места претендуют еще два пассажира. Кто вам угодно иметь своих спутников. Один пассажир из Москвы. Вылет в семь часов. — Сударь, — ответил портье, — портье сэр Артур Пежкет. Нет слова о свободном месте в первом или втором классе. Имя сего сэр Артур Пежкет не останется ни минуты в обществе болельщиков. — Хорошо, — сказал сэр Артур и взглянул с улыбкой на спутника. Экспресс уходил в девять тридцать. Сэр Артур пришел на вокзал за пять минут до отхода экспресса. Пассажир Пежкет встретил его на перроне, вручил ему билеты и указал вагон. Затем человек ушел в свой вагон в самом конце поезда. Сэр Артур проследовал в вагон — ресторан. В девять тридцать экспресс Прага — Париж отомшел от станции. Сэр Артур сидел в вагоне — ресторане. В вагоне сидели еще два пассажира. Один из них был француз. Он говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом.

Антоний Храповицкий. Дебютный доклад.

«Сэр Артур Пежкет взглянул на солнце, затем перевел глаза на барометр и на календарь. Солнце светило и жарко. Барометр показывал норменно. Календарь показывал первое мая. И покажут это было самое неприятное. Кроме того, именно сегодня сэр Артур собирался в Париж. — Сударь — сказал сэр Артур портье отеля «Империяль» — сударь в вагоне первого класса нет ни одного свободного места. — Жаль, — ответил сэр Артур жет, — тем не менее я еду именно сегодня и именно в экспрессе Прага — Париж. — Вот места во втором классе. Два купе по два спальных места в каждом. На эти места претендуют еще два пассажира. Кто вам угодно иметь своих спутников. Один пассажир из Москвы. Вылет в семь часов. — Сударь, — ответил портье, — портье сэр Артур Пежкет. Нет слова о свободном месте в первом или втором классе. Имя сего сэр Артур Пежкет не останется ни минуты в обществе болельщиков. — Хорошо, — сказал сэр Артур и взглянул с улыбкой на спутника. Экспресс уходил в девять тридцать. Сэр Артур пришел на вокзал за пять минут до отхода экспресса. Пассажир Пежкет встретил его на перроне, вручил ему билеты и указал вагон. Затем человек ушел в свой вагон в самом конце поезда. Сэр Артур проследовал в вагон — ресторан. В девять тридцать экспресс Прага — Париж отомшел от станции. Сэр Артур сидел в вагоне — ресторане. В вагоне сидели еще два пассажира. Один из них был француз. Он говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом.

Антоний Храповицкий. Дебютный доклад.

«Сэр Артур Пежкет взглянул на солнце, затем перевел глаза на барометр и на календарь. Солнце светило и жарко. Барометр показывал норменно. Календарь показывал первое мая. И покажут это было самое неприятное. Кроме того, именно сегодня сэр Артур собирался в Париж. — Сударь — сказал сэр Артур портье отеля «Империяль» — сударь в вагоне первого класса нет ни одного свободного места. — Жаль, — ответил сэр Артур жет, — тем не менее я еду именно сегодня и именно в экспрессе Прага — Париж. — Вот места во втором классе. Два купе по два спальных места в каждом. На эти места претендуют еще два пассажира. Кто вам угодно иметь своих спутников. Один пассажир из Москвы. Вылет в семь часов. — Сударь, — ответил портье, — портье сэр Артур Пежкет. Нет слова о свободном месте в первом или втором классе. Имя сего сэр Артур Пежкет не останется ни минуты в обществе болельщиков. — Хорошо, — сказал сэр Артур и взглянул с улыбкой на спутника. Экспресс уходил в девять тридцать. Сэр Артур пришел на вокзал за пять минут до отхода экспресса. Пассажир Пежкет встретил его на перроне, вручил ему билеты и указал вагон. Затем человек ушел в свой вагон в самом конце поезда. Сэр Артур проследовал в вагон — ресторан. В девять тридцать экспресс Прага — Париж отомшел от станции. Сэр Артур сидел в вагоне — ресторане. В вагоне сидели еще два пассажира. Один из них был француз. Он говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом.

Антоний Храповицкий. Дебютный доклад.

«Сэр Артур Пежкет взглянул на солнце, затем перевел глаза на барометр и на календарь. Солнце светило и жарко. Барометр показывал норменно. Календарь показывал первое мая. И покажут это было самое неприятное. Кроме того, именно сегодня сэр Артур собирался в Париж. — Сударь — сказал сэр Артур портье отеля «Империяль» — сударь в вагоне первого класса нет ни одного свободного места. — Жаль, — ответил сэр Артур жет, — тем не менее я еду именно сегодня и именно в экспрессе Прага — Париж. — Вот места во втором классе. Два купе по два спальных места в каждом. На эти места претендуют еще два пассажира. Кто вам угодно иметь своих спутников. Один пассажир из Москвы. Вылет в семь часов. — Сударь, — ответил портье, — портье сэр Артур Пежкет. Нет слова о свободном месте в первом или втором классе. Имя сего сэр Артур Пежкет не останется ни минуты в обществе болельщиков. — Хорошо, — сказал сэр Артур и взглянул с улыбкой на спутника. Экспресс уходил в девять тридцать. Сэр Артур пришел на вокзал за пять минут до отхода экспресса. Пассажир Пежкет встретил его на перроне, вручил ему билеты и указал вагон. Затем человек ушел в свой вагон в самом конце поезда. Сэр Артур проследовал в вагон — ресторан. В девять тридцать экспресс Прага — Париж отомшел от станции. Сэр Артур сидел в вагоне — ресторане. В вагоне сидели еще два пассажира. Один из них был француз. Он говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом.

Антоний Храповицкий. Дебютный доклад.

«Сэр Артур Пежкет взглянул на солнце, затем перевел глаза на барометр и на календарь. Солнце светило и жарко. Барометр показывал норменно. Календарь показывал первое мая. И покажут это было самое неприятное. Кроме того, именно сегодня сэр Артур собирался в Париж. — Сударь — сказал сэр Артур портье отеля «Империяль» — сударь в вагоне первого класса нет ни одного свободного места. — Жаль, — ответил сэр Артур жет, — тем не менее я еду именно сегодня и именно в экспрессе Прага — Париж. — Вот места во втором классе. Два купе по два спальных места в каждом. На эти места претендуют еще два пассажира. Кто вам угодно иметь своих спутников. Один пассажир из Москвы. Вылет в семь часов. — Сударь, — ответил портье, — портье сэр Артур Пежкет. Нет слова о свободном месте в первом или втором классе. Имя сего сэр Артур Пежкет не останется ни минуты в обществе болельщиков. — Хорошо, — сказал сэр Артур и взглянул с улыбкой на спутника. Экспресс уходил в девять тридцать. Сэр Артур пришел на вокзал за пять минут до отхода экспресса. Пассажир Пежкет встретил его на перроне, вручил ему билеты и указал вагон. Затем человек ушел в свой вагон в самом конце поезда. Сэр Артур проследовал в вагон — ресторан. В девять тридцать экспресс Прага — Париж отомшел от станции. Сэр Артур сидел в вагоне — ресторане. В вагоне сидели еще два пассажира. Один из них был француз. Он говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом. Француз говорил о своем городе. Сэр Артур слушал его с интересом.

А. Цехер

МАЕВКА

(Из воспоминаний)

1918 год. Волжский город... Либеральный город... Газетные листы кричат о побед... Ах, скорей бы кончилась сегодня, скорей бы услышал синюшот. Скорей бы отключился световой аппарат. Утро, арке, солдешное. Зовет на улану. Царьградское поле на земле, солдешное зовет обходить землю, обходить от гитных лесов! Хорошо поднимает в гору в лесу! Ниль и смеатар вилася — пот-ли приставышки глас-шика, пот-ли присаживаш фараном. Нет... Вот и парель... Там, на опушке — уронил и казаны лезает в глубин ли небесные... А в лесу учу парам, тройкам, сплывался к обрвату черныи, сини ру бабки. Шуту разговоры... читаются штегов ба, Бромперы... Остелся со шех комоч... Вон дая пария забирался на бере суе — набобдательный пункт... Там скларп, шкати в трубой и штаргар, говорит о невоязах и тяжелых днях. Собралось много... «Говорили, в каких тяжелых нольа тиних мы празднуем свой праздник сий день... ячла торжеств с залю да «десть». Салаа отрубал, крепко расставляли. И каждый свой кол в эти словах бликуе, роднее, и слова было пазма... Оно родилось в бой. Картина твоя и наслада, обман и извоществова дад самими зте метриками человеческими потубою...

А. Цехер

МАЕВКА

(Из воспоминаний)

1918 год. Волжский город... Либеральный город... Газетные листы кричат о побед... Ах, скорей бы кончилась сегодня, скорей бы услышал синюшот. Скорей бы отключился световой аппарат. Утро, арке, солдешное. Зовет на улану. Царьградское поле на земле, солдешное зовет обходить землю, обходить от гитных лесов! Хорошо поднимает в гору в лесу! Ниль и смеатар вилася — пот-ли приставышки глас-шика, пот-ли присаживаш фараном. Нет... Вот и парель... Там, на опушке — уронил и казаны лезает в глубин ли небесные... А в лесу учу парам, тройкам, сплывался к обрвату черныи, сини ру бабки. Шуту разговоры... читаются штегов ба, Бромперы... Остелся со шех комоч... Вон дая пария забирался на бере суе — набобдательный пункт... Там скларп, шкати в трубой и штаргар, говорит о невоязах и тяжелых днях. Собралось много... «Говорили, в каких тяжелых нольа тиних мы празднуем свой праздник сий день... ячла торжеств с залю да «десть». Салаа отрубал, крепко расставляли. И каждый свой кол в эти словах бликуе, роднее, и слова было пазма... Оно родилось в бой. Картина твоя и наслада, обман и извоществова дад самими зте метриками человеческими потубою...

А. Цехер

МАЕВКА

(Из воспоминаний)

Рационализировать производительность труда, укрепить пролетарскую трудовую дисциплину — в этом залог нашей победы.

Рационализировать производительность труда, укрепить пролетарскую трудовую дисциплину — в этом залог нашей победы.

Рационализировать производительность труда, укрепить пролетарскую трудовую дисциплину — в этом залог нашей победы.

Рационализировать производительность труда, укрепить пролетарскую трудовую дисциплину — в этом залог нашей победы.

«Сэр Артур Пежкет взглянул на солнце, затем перевел глаза на барометр и на календарь. Солнце светило и жарко. Барометр показывал норменно. Календарь показывал первое мая. И покажут это было самое неприятное. Кроме того, именно сегодня сэр Артур собирался в Париж. — Сударь — сказал сэр Артур портье отеля «Империяль» — сударь в вагоне первого класса нет ни одного свободного места. — Жаль, — ответил сэр Артур жет, — тем не менее я еду именно сегодня и именно в экспрессе Прага — Париж. — Вот места во втором классе. Два купе по два спальных места в каждом. На эти места претендуют еще два пассажира. Кто вам угодно иметь своих спутников. Один пассажир из Москвы. Вылет в семь часов. — Сударь, — ответил пор

